

Author: Береговский Владимир Емельянович

Взгляд (Из цикла "Африканские страсти")

История четвёртая. Взгляд

(Из цикла рассказов «Африканские страсти»).

В Сетифе тоже есть на что посмотреть. Взять, например, знаменитую статую Айн Фуара, у подножия которой всегда толпится бедовый сетифский народ. Дело в том, что здесь находится один из немногих, расположенных в городской черте, источников питьевой воды. А вот выше источника поднять голову осмеливается далеко не каждый сетифец. Разве что украдкой, чтобы знакомые не заметили. Потому, что статуя Айн Фуара нарушает сразу три фундаментальных положений ислама. Во-первых – это статуя человека, во-вторых – это статуя женщины, в-третьих – это статуя ослепительно молодой и красивой женщины с бесстыдно обнажённой грудью.

Статуя является «тяжким наследием» французских колонизаторов. Это они, не считаясь с обычаями и негласными (а поэтому и самыми крепкими) законами арабско-исламского общества, воздвигнули эту статую на самой оживлённой городской артерии Сетифа. Вот почему эту статую не уничтожили после освобождения Алжира от французов, непонятно.

И стоит она как заноза вопреки всем канонам и блестит на ярком африканском свете мраморная грудь бесстыжей западной красотки.

А вот голубям всё равно – грудь это или скажем мостовая площади. Эти признанные птицы мира с удовольствием гадят и туда и сюда. Поэтому и приходится не реже, чем раз в неделю тощенькому и маленькому старичку-уборщику стирать голубиный помёт с ланит сетифской Венеры. Вот он и водит с деланным смущением по всем выпуклостям памятника влажной

тряпкой под весёлые комментарии многочисленных зрителей.

А, между прочим, в правоверном мусульманском городе Сетифе не так уж и всё так строго, как кажется с первого взгляда. Есть и тут свои особенные отличия от ханжеских городов бывшего Советского Союза. Да ещё какие отличия! Правда, не все о них знают.

Я тоже не сразу пронюхал, что почти в центре Сетифа существует целый квартал публичных домов. Выглядят они с улицы вполне пристойно. Не так, как в распущенной Константине. Обычные серые двухэтажные дома типа постоянных дворов. Когда вы заходите через центральную дверь, то вашему взору предстоит дворик прямоугольной формы по периметру, которого идут в два яруса галереи. Идёте по коридору вдоль одинаковых дверей и заглядываете в те комнаты, куда дверь приоткрыта. А там....

Ну, да не будем пока забегать наперёд. Во-первых, так просто в эти дворики не войти. У входа стоят морщинистые и страшные старухи, взимающие плату размером в пять алжирских динаров. Это не плата за услуги проституток, а стоимость входного билета на смотровую площадку. Чтобы не шаталась, значит, всякая там африканская босота.

Но я опять излагаю факты не по порядку. Конечно, обо все этих делах меня просветил мой техник. Он поведал любознательному «советику», то есть мне, во всех подробностях о бабках церберах, о стоимости входного билета и стоимости самих услуг, которые, кстати, похоже, стандартные для всего Алжира и составляют 50 алжирских динар. Правда, поделился он со мной этой информацией только после моих недоумевающих вопросов о непонятных старухах, караулящих около зелёных дверей.

Ну, узнал я новую информацию, и, казалось бы, на чёрта она мне сдалась? В бордели, как вы понимаете из предыдущих моих рассказов, меня не тянуло. Просто было любопытно. Между прочим, мой новый техник, как и прежний,

тоже не понимал, как это можно нормальному мужику столько дней и главное ночей обходиться без женщин.

А тем временем наши работы в Сетифе продолжались уже второй год, и я познакомился уже, наверное, с половиной города, с лучшей, конечно, мужской половиной. Между прочим, оказалось, что в Сетифе работают две группы советских специалистов: гидрогеологи и военные. С ребятами-гидрогеологами я постепенно заприятельствовал, а с одним, Колей Саенко из Одессы, даже подружился. Он занимал со своей женой Людой трёхкомнатную квартиру в многоэтажном доме на окраине Сетифа. Через некоторое время я к ним и переехал из своего удобного, но страшно дорогого отеля «Эль Риад». Теперь мне не надо было каждый раз в пьяном виде брести в отель через весь ночной город и пугать мирный мусульманский народ своей дикой западной распущенностью.

И Коле с Людой было веселее проводить вечера – детей у них не было. Коля, благодаря моим щедрым командировочным от самогонки перешёл на благородные красные алжирские вина, а Люда угощалась любимыми своими изысканными сортами винограда, финиками и прочими экзотическими фруктами.

Коля меня на одном из вечерних застолий познакомил с третьей группой советских специалистов, если можно так назвать двух наших врачей. Один из них, Чулпан Ягофаров из Казани, рассказал мне любопытную историю, как он стал самым полезным врачом Сетифа. Оказывается, уже два года, как он проводит еженедельный медицинский осмотр проституток города. Сначала, когда к нему обратились с такой просьбой, он наотрез отказался. Мол, я честный татарин, мусульманин, отец двоих детей, и вообще советский человек, ничего общего с этими падшими женщинами не хочу иметь. Однако, ему очень серьёзно посоветовали не горячиться, так как его кандидатура согласована на

самом высоком уровне, а в случае отказа он вообще не сможет работать за границей. И как он может даже подумать о своём несогласии, если ему предлагают такую ответственную и почётную работу по спасению здоровья целого города, а то и всей вилайи.

Куда было деваться? И вот он раз в неделю проводит эти осмотры и уже привык. А, между прочим, по уровню венерических заболеваний вилая Сетиф является самой благополучной в стране. И почётная грамота у Чулпана имеется как от родного посольства, так и от Министерства здравоохранения Алжира. Обе грамоты мы само собой тотчас обмыли.

В последнем мероприятии нас поддержал наш топограф, которого я привёл к ним познакомиться. Он как раз приехал «ко мне» в Сетиф на недельку для топографической съёмки моего участка геологоразведочных работ, который вот-вот должен был превратиться в очень даже неплохое месторождение глин для строительного кирпича и керамики.

Топографы и дома, в Союзе, редко ведут трезвый образ жизни. Работа у них такая, что надо постоянно лазить по плохо проходимым местам, жить, где придётся, есть, что дают и пить, что наливают. Тем более в Алжире попробуй-ка походить по местным не слабым горкам под нещадным африканским солнцем со своим хоть и очень современным, но всё равно довольно тяжёлым инструментом. Да ещё не дай Бог ошибиться на пару миллиметров, которые потом нарастают в такие неувязки, что приходится переделывать всю работу заново.

Так что не мудрено, что Саша, так звали нашего доблестного топографа, как и большинство его собратьев по профессии, снимал стресс традиционно – алкоголем. Я к чему всё это подвожу – к тому, что все эти обстоятельства и привели нас с Сашей после вечернего застолья у гидрогеологов к его продолжению в довольно подозрительном подпольном баре. Да, как это ни

странно, но такой существовал в самом центре Сетифа. Конечно, думать, что в баре восточного правоверного Алжира могут продаваться крепкие алкогольные напитки, было бы слишком наивно. Таковых там не было. Но зато там было отличное немецкое пиво в маленьких 330-граммовых бутылочках. Стоило оно по тем временам немалые деньги – 12 динар или около двух американских долларов за бутылку. Но закуска стоила ещё дороже. Это была настоящая белуга. Во всяком случае, стоила она, как настоящая.

Мы с Сашей, чтобы осушить жажду быстро оприходовали по четыре пивка и с удовольствием опробовали несколько кусочков белуги на небольшой тарелочке. Дальше мы уже смаковали холодное баварское медленно и не спеша. Когда на столе скопилось около десятка бутылочек на брата, стало совсем хорошо, как в Киеве. Следует заметить, что мы с Сашей были земляками, оба с Украины. Только он проживал в Броварах под Киевом, а я за Карпатскими горами, в Берегово.

И так нам стало хорошо, что мы особенно и не расстроились, когда рассчитались по 200 динар на брата. В приподнятом и несколько фееричном настроении мы с Сашей шли по ночному Сетифу. Несмотря на ночное время, на улицах было полно народу – летом обычно после изнуряющей дневной жары все аборигены выползают на освежающий ночной ветерок.

Каким-то загадочным образом мы вдруг оказались в квартале борделей. Наверное, сработал инстинкт, а может просто случайность. Народу на улице здесь было значительно меньше, а освещение похуже. Эту разницу мы сразу ощутили и как-то даже немного протрезвели. Мы молча пропустили нескольких зелёных дверей и, не сговариваясь, остановились около очередной двери. Её охраняла противная старуха, закутанная в традиционную грязно-белую хламиду.

Старая ведьма недоверчиво подняла к нам своё изборождённое морщинами лицо с традиционными синими татуировками на лбу и щеках. Некоторое время мы с Сашей тупо смотрели на неё, а потом я вспомнил наставления техника и протянул старухе две круглые тяжёлые монеты по пять динар. Старуха не прореагировала. «Перметте ну пассы, - выдавил я, насильно всовывая в её грязную лапу монеты, - перметте ну пассы, мадам». («Позвольте нам пройти» по-французски).

Фраза оказала на старушку почти магическое действие. Она так просияла, что даже морщины, казалось, несколько разгладились. Мне даже показалось, что она пропустит нас без всяких там монет. Наверное, бабка вспомнила свою колониальную молодость и на миг потеряла бдительность. «Силь ву пле, мисье, силь ву пле, - почти нежно пропела она, - пассе ан аван». («Пожалуйста, пожалуйста, господа, проходите вперёд» по-французски).

«Мисье» прошли и очутились, как и рассказывал мой техник, в небольшом прямоугольном дворике, скудно освещённом по периметру большими стеклянными шарами красных фонарей. Стараясь не смотреть друг на друга, мы с Сашей двинулись по двум противоположным галереям - свято соблюдая известное правило: если тебе направо, то мне налево.

В отличие от шумного весёлого квартала Константины здесь зевак не было. Два парня бесшумно проскользнули мимо меня и тут же впереди на секунду открылись и тут же захлопнулись двери в ярко освещённые комнаты. В дальнейшем я шёл полутёмным коридором один. Как и рассказывал Мухаммед, некоторые двери были закрыты, а некоторые чуть-чуть приотворены и из них в галерею проникали узкие полоски света.

Пропустив пару приоткрытых дверей, я потянул третью дверь на себя, и она со скрипом отворилась на всю ширину проёма. Я увидел маленькую, площадью не более чем два на три метра комнатку. Половину комнаты

занимала широкая низкая кровать, на которой в короткой чёрной комбинации вполоборота ко входу возлежала толстая девка. Её толстые жирные ляжки как то по-особенному бесстыже блестели под ярким светом настольной лампы в красном абажуре.

Девушка лениво повернулась к открывшейся двери, и мы встретились глазами. В её взгляде я прочитал столько животной похоти, столько ленивого любопытства, что мне стало не по себе. «Ну, давай, - будто бы говорила она, - не робей. Делай то, за чем ты пришёл».

Я человек совсем не брезгливый: могу есть и пить что угодно из любой посуды, спать на грязном полу или на земле, запросто общаться с нищими и бродягами, но тут, под взглядом этой ленивой жирной проститутки мне физически стало нехорошо и я чуть было не вырвал.

Медленно закрыв дверь, я побрёл к выходу. Около старухи меня ждал понурый Саша. Едва мы вышли, и недовольная старая карга закрыла за нами двери, как меня всё-таки вырвало почти на её ноги. Под гнусные вопли этого цербера мы с Сашей мелкой рысью бросились вдоль по улице и остановились только за ближайшим перекрёстком.

«Ты знаешь, - хмуро сказал Саша, - а мне что-то расхотелось. Бляди тут какие-то чересчур... вообще, не стои□т на них...». Я с облегчением загоготал. «Пошли-ка лучше по пиву,- уже веселее сказал Саша, - а то кабак закроется».

И мы, сосредоточено глядя на мостовую, чтобы случайно не поскользнуться, побрели в ресторанчик - пропивать свои командировочные за немецким пивом и белужьим мясом.

История четвёртая. Взгляд

(Из цикла рассказов «Африканские страсти»).

В Сетифе тоже есть на что посмотреть. Взять, например, знаменитую статую Айн Фуара, у подножия которой всегда толпится бедовый сетифский народ. Дело в том, что здесь находится один из немногих, расположенных в городской черте, источников питьевой воды. А вот выше источника поднять голову осмеливается далеко не каждый сетифец. Разве что украдкой, чтобы знакомые не заметили. Потому, что статуя Айн Фуара нарушает сразу три фундаментальных положений ислама. Во-первых – это статуя человека, во-вторых – это статуя женщины, в-третьих – это статуя ослепительно молодой и красивой женщины с бесстыдно обнажённой грудью.

Статуя является «тяжким наследием» французских колонизаторов. Это они, не считаясь с обычаями и негласными (а поэтому и самыми крепкими) законами арабско-исламского общества, воздвигнули эту статую на самой оживлённой городской артерии Сетифа. Вот почему эту статую не уничтожили после освобождения Алжира от французов, непонятно.

И стоит она как заноза вопреки всем канонам и блестит на ярком африканском свете мраморная грудь бесстыжей западной красотки.

А вот голубям всё равно – грудь это или скажем мостовая площади. Эти признанные птицы мира с удовольствием гадают и туда и сюда. Поэтому и приходится не реже, чем раз в неделю тощенькому и маленькому старичку-уборщику стирать голубиный помёт с ланит сетифской Венеры. Вот он и водит с деланным смущением по всем выпуклостям памятника влажной тряпкой под весёлые комментарии многочисленных зрителей.

А, между прочим, в правоверном мусульманском городе Сетифе не так уж и всё так строго, как кажется с первого взгляда. Есть и тут свои особенные отличия от ханжеских городов бывшего Советского Союза. Да ещё какие отличия! Правда, не все о них знают.

Я тоже не сразу пронюхал, что почти в центре Сетифа существует целый квартал публичных домов. Выглядят они с улицы вполне пристойно. Не так, как в распущенной Константине. Обычные серые двухэтажные дома типа постоянных дворов. Когда вы заходите через центральную дверь, то вашему взору предстоит дворик прямоугольной формы по периметру, которого идут в два яруса галереи. Идёте по коридору вдоль одинаковых дверей и заглядываете в те комнаты, куда дверь приоткрыта. А там....

Ну, да не будем пока забегать наперёд. Во-первых, так просто в эти дворики не войти. У входа стоят морщинистые и страшные старухи, взимающие плату размером в пять алжирских динаров. Это не плата за услуги проституток, а стоимость входного билета на смотровую площадку. Чтобы не

шаталась, значит, всякая там африканская босота.

Но я опять излагаю факты не по порядку. Конечно, обо все этих делах меня просветил мой техник. Он поведал любознательному «советику», то есть мне, во всех подробностях о бабках церберах, о стоимости входного билета и стоимости самих услуг, которые, кстати, похоже, стандартные для всего Алжира и составляют 50 алжирских динар. Правда, поделился он со мной этой информацией только после моих недоумевающих вопросов о непонятных старухах, караулящих около зелёных дверей.

Ну, узнал я новую информацию, и, казалось бы, на чёрта она мне сдалась? В бордели, как вы понимаете из предыдущих моих рассказов, меня не тянуло. Просто было любопытно. Между прочим, мой новый техник, как и прежний, тоже не понимал, как это можно нормальному мужику столько дней и главное ночей обходиться без женщин.

А тем временем наши работы в Сетифе продолжались уже второй год, и я познакомился уже, наверное, с половиной города, с лучшей, конечно, мужской половиной. Между прочим, оказалось, что в Сетифе работают две группы советских специалистов: гидрогеологи и военные. С ребятами-гидрогеологами я постепенно заприятельствовал, а с одним, Колей Саенко из Одессы, даже подружился. Он занимал со своей женой Людой трёхкомнатную квартиру в многоэтажном доме на окраине Сетифа. Через некоторое время я к ним и переехал из своего удобного, но страшно дорогого отеля «Эль Риад». Теперь

мне не надо было каждый раз в пьяном виде брести в отель через весь ночной город и пугать мирный мусульманский народ своей дикой западной распущенностью.

И Коле с Людой было веселее проводить вечера – детей у них не было. Коля, благодаря моим щедрым командировочным от самогонки перешёл на благородные красные алжирские вина, а Люда угощалась любимыми своими изысканными сортами винограда, финиками и прочими экзотическими фруктами.

Коля меня на одном из вечерних застолий познакомил с третьей группой советских специалистов, если можно так назвать двух наших врачей. Один из них, Чулпан Ягофаров из Казани, рассказал мне любопытную историю, как он стал самым полезным врачом Сетифа. Оказывается, уже два года, как он проводит еженедельный медицинский осмотр проституток города. Сначала, когда к нему обратились с такой просьбой, он наотрез отказался. Мол, я честный татарин, мусульманин, отец двоих детей, и вообще советский человек, ничего общего с этими падшими женщинами не хочу иметь. Однако, ему очень серьёзно посоветовали не горячиться, так как его кандидатура согласована на самом высоком уровне, а в случае отказа он вообще не сможет работать за границей. И как он может даже подумать о своём несогласии, если ему предлагают такую ответственную и почётную работу по спасению здоровья целого города, а то и всей вилайи.

Куда было деваться? И вот он раз в неделю проводит эти осмотры и уже привык. А, между прочим, по уровню венерических заболеваний вилая Сетиф является самой благополучной в стране. И почётная грамота у Чулпана имеется как от родного посольства, так и от Министерства здравоохранения Алжира. Обе грамоты мы само собой тотчас обмыли.

В последнем мероприятии нас поддержал наш топограф, которого я привёл к ним познакомиться. Он как раз приехал «ко мне» в Сетиф на недельку для топографической съёмки моего участка геологоразведочных работ, который вот-вот должен был превратиться в очень даже неплохое месторождение глин для строительного кирпича и керамики.

Топографы и дома, в Союзе, редко ведут трезвый образ жизни. Работа у них такая, что надо постоянно лазить по плохо проходимым местам, жить, где придётся, есть, что дают и пить, что наливают. Тем более в Алжире попробуй-ка походить по местным не слабым горкам под нещадным африканским солнцем со своим хоть и очень современным, но всё равно довольно тяжёлым инструментом. Да ещё не дай Бог ошибиться на пару миллиметров, которые потом нарастают в такие неувязки, что приходится переделывать всю работу заново.

Так что не мудрено, что Саша, так звали нашего доблестного топографа, как и большинство его собратьев по профессии, снимал стресс традиционно – алкоголем. Я к чему всё это подвожу – к тому, что все эти обстоятельства и

привели нас с Сашей после вечернего застолья у гидрогеологов к его продолжению в довольно подозрительном подпольном баре. Да, как это ни странно, но такой существовал в самом центре Сетифа. Конечно, думать, что в баре восточного правоверного Алжира могут продаваться крепкие алкогольные напитки, было бы слишком наивно. Таковых там не было. Но зато там было отличное немецкое пиво в маленьких 330-граммовых бутылочках. Стоило оно по тем временам немалые деньги – 12 динар или около двух американских долларов за бутылку. Но закуска стоила ещё дороже. Это была настоящая белуга. Во всяком случае, стоила она, как настоящая.

Мы с Сашей, чтобы осушить жажду быстро оприходовали по четыре пивка и с удовольствием опробовали несколько кусочков белуги на небольшой тарелочке. Дальше мы уже смаковали холодное баварское медленно и не спеша. Когда на столе скопилось около десятка бутылочек на брата, стало совсем хорошо, как в Киеве. Следует заметить, что мы с Сашей были земляками, оба с Украины. Только он проживал в Броварах под Киевом, а я за Карпатскими горами, в Берегово.

И так нам стало хорошо, что мы особенно и не расстроились, когда рассчитались по 200 динар на брата. В приподнятом и несколько фееричном настроении мы с Сашей шли по ночному Сетифу. Несмотря на ночное время, на улицах было полно народу – летом обычно после изнуряющей дневной жары все аборигены выползают на освежающий ночной ветерок.

Каким-то загадочным образом мы вдруг оказались в квартале борделей. Наверное, сработал инстинкт, а может просто случайность. Народу на улице здесь было значительно меньше, а освещение похуже. Эту разницу мы сразу ощутили и как-то даже немного протрезвели. Мы молча пропустили нескольких зелёных дверей и, не сговариваясь, остановились около очередной двери. Её охраняла противная старуха, закутанная в традиционную грязно-белую хламиду.

Старая ведьма недоверчиво подняла к нам своё изборождённое морщинами лицо с традиционными синими татуировками на лбу и щеках. Некоторое время мы с Сашей тупо смотрели на неё, а потом я вспомнил наставления техника и протянул старухе две круглые тяжёлые монеты по пять динар. Старуха не прореагировала. «Перметте ну пассы, - выдавил я, насильно всовывая в её грязную лапу монеты, - перметте ну пассы, мадам». («Позвольте нам пройти» по-французски).

Фраза оказала на старушку почти магическое действие. Она так просияла, что даже морщины, казалось, несколько разгладились. Мне даже показалось, что она пропустит нас без всяких там монет. Наверное, бабка вспомнила свою колониальную молодость и на миг потеряла бдительность. «Силь ву пле, мисье, силь ву пле, - почти нежно пропела она, - пассе ан аван». («Пожалуйста, пожалуйста, господа, проходите вперёд» по-французски).

«Мисье» прошли и очутились, как и рассказывал мой техник, в небольшом прямоугольном дворике, скудно освещённом по периметру большими стеклянными шарами красных фонарей. Стараясь не смотреть друг на друга, мы с Сашей двинулись по двум противоположным галереям - свято соблюдая известное правило: если тебе направо, то мне налево.

В отличие от шумного весёлого квартала Константины здесь зевак не было. Два парня бесшумно проскользнули мимо меня и тут же впереди на секунду открылись и тут же захлопнулись двери в ярко освещённые комнаты. В дальнейшем я шёл полутёмным коридором один. Как и рассказывал Мухаммед, некоторые двери были закрыты, а некоторые чуть-чуть приотворены и из них в галерею проникали узкие полоски света.

Пропустив пару приоткрытых дверей, я потянул третью дверь на себя, и она со скрипом отворилась на всю ширину проёма. Я увидел маленькую, площадью не более чем два на три метра комнатку. Половину комнаты занимала широкая низкая кровать, на которой в короткой чёрной комбинации вполоборота ко входу возлежала толстая девка. Её толстые жирные ляжки как то по-особенному бесстыже блестели под ярким светом настольной лампы в красном абажуре.

Девушка лениво повернулась к открывшейся двери, и мы встретились глазами. В её взгляде я прочитал столько животной похоти, столько ленивого любопытства, что мне стало не по себе. «Ну, давай, - будто бы говорила она, - не

робей. Делай то, за чем ты пришёл».

Я человек совсем не брезгливый: могу есть и пить что угодно из любой посуды, спать на грязном полу или на земле, запросто общаться с нищими и бродягами, но тут, под взглядом этой ленивой жирной проститутки мне физически стало нехорошо и я чуть было не вырвал.

Медленно закрыв дверь, я побрёл к выходу. Около старухи меня ждал понурый Саша. Едва мы вышли, и недовольная старая карга закрыла за нами двери, как меня всё-таки вырвало почти на её ноги. Под гнусные вопли этого цербера мы с Сашей мелкой рысью бросились вдоль по улице и остановились только за ближайшим перекрёстком.

«Ты знаешь, - хмуро сказал Саша, - а мне что-то расхотелось. Бляди тут какие-то чересчур... вообще, не стои□т на них...». Я с облегчением загоготал. «Пошли-ка лучше по пиву,- уже веселее сказал Саша, - а то кабак закроется».

И мы, сосредоточено глядя на мостовую, чтобы случайно не поскользнуться, побрели в ресторанчик - пропивать свои командировочные за немецким пивом и белужьим мясом.

